

Самсонов Илья

СЖИГАЯ ВЕЧНОСТЬ

-антология homo molares-

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

ЗАСЛОН | Музей
литературного
языка

ЛитРес

16+

Илья Михайлович Самсонов

Сжигая вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67775531

SelfPub; 2022

Аннотация

В "Обществе" – некоей территории, находящейся то ли на Земле, то ли в другом измерении, нынче в моде искусство. С открытием технологии, позволяющей вложить весь творческий потенциал человека в десяток часов, живопись переживает очередной бум. Но кто те люди, которые готовы обменять свою жизнь на одну, пусть и идеальную, картину? Что ими движет? И что они смогут создать?

"Сжигая вечность" – часть цикла историй о далеком и неясном, но неотвратимо надвигающемся будущем. О существах из плоти и крови, информационных узлов и схем, которые живы, и которые похожи на нас. Это истории о могучем и ужасном искусственном интеллекте, но также и о любви, о жертве, об узах и цепях, об Обществе.

Илья Самсонов

Сжигая вечность

Сорок второй год **о.т.п.** (от Третьего Пришествия) выдался неважным. Он не принес людям счастья и в него не было сделано много значимых открытий.

Сорок третий год **о.т.п.** не был самым счастливым в жизни Общества. Но он был плодотворным. Между двумя показателями, вероятно, существует обратная зависимость, ведь когда люди погружены в дело, они перестают думать в рамках счастлив/несчастен и начинают мыслить в рамках эффективности. В сорок третий год изобретение в одном конце Общества тут же переносилось в другой его конец, иногда в совсем другую сферу науки, совершенствовалось, отправлялось обратно. Так изобретение прыгало туда-сюда, пока не получалось какое-нибудь новое технологическое чудо.

А вот в сорок четвертый год люди довольно выдохнули. Они хорошо поработали и теперь пожинали плоды своих же трудов. Многочисленные выставки, новые гаджеты, которые носили, как одежду; пластинки, на которые записывалась, как музыка, генетическая информация человека; напитки, при распитии транслировавшие в мозг человека голосовые сообщения.

Это изобретение особо пользовалось популярностью в

сфере алкогольных напитков, в которые обязали помещать предупреждающие о вреде сообщения, – подобное предостережение, поступающее сразу в мозг человека, оказалось страшно эффективным, и количество потребления подобной продукции сократилось на тридцать процентов за год без каких-либо запретов. Вообще это объяснимо. Одно дело, затуманив свой разум огненной водой, слушать обольстительные речи девушек, и совершенно другое – когда прямо в твоей голове объявляется гневный праведный дух, укоряющий тебя во всех проступках.

Кстати о духах. Некоторые несчастные, не успевшие узнать об этом открытии науки но попробовавшие подобные напитки, думали, что в их головах заговорил *svyatoi duch*. Вероятно, сверхмощный искусственный разум, управлявший Обществом, и мог это сделать, но он предпочитал более мягкие и ожидаемые меры воздействия на людей. Вообще под его началом жилось хорошо. Об этом свидетельствовало количество прошедших лет и сам тот факт, что начало правления *svyatogo ducha* знаменовало начало новой эры и обнуление точки отсчета. «Третье Пришествие» стало уникальным даже среди Пришествий – в него к людям снизошел не Сын Божий, а Святой Дух. И ни в божественной, ни в биологической форме, а в форме самой мысли, которая лучше всего выражалась металлом и километрами проводки.

Как гормоны, поступающие в мозг после завершения работы и приносящие удовлетворение, технологические успе-

хи приносили людям радость и облегчали жизнь.

И именно с гормонами было связано одно занимательное открытие, совершенное в сорок третьем году. Вопрос творчества был решен и разложен на математические составляющие. Были найдены ответы на вопросы о том, какие части мозга отвечают за творческий процесс и как их ускорить до невозможности. Не смогли решить лишь проблему сохранения человеческих мозгов после такого вот «разгона» – они «сгорали» за ночь.

Но творцов, в частности, художников это не волновало. Они всегда были, есть и будут такой породой людей, которая готова сунуться в любые дебри, пройти через огонь и медные трубы, чтобы создать единственный шедевр. И теперь их могли подтолкнуть к созданию шедевра.

Арк забрал регистрационный бланк с прилепленными к нему бумажками о здоровье, психическом состоянии и результатами его биохимического анализа крови. Поверх всего этого краснел толстый штамп с надписью «допущен». Из-за своего цвета штамп вызывал не самые позитивные чувства. Как будто его допустили нехотя, глядя сквозь пальцы. «Ладно уж, достал ты нас, иди, раз хочешь» – так он и говорил.

Но на самом деле ему, конечно, только казалось это. Отношение к художникам, пришедшим в центр «Вознесение», было уважительным и боязливым. Персонал, обычные рабочие люди, не могли до конца поверить в то, что все пришедшие сюда художники готовы были отдать свои жизни и уже

на следующее утро развеяться прахом по ветру.

Они осторожно брали из рук художников документы, по долгу вглядывались в них, желая удостовериться, что эти люди материальны.

Арк знал, что художники материальны только с виду. Ткни легонько – покажется, что обычный человек. Продави поглубже, и художник лопнет, выплеснув наружу свои грезы, как съедобный шарик с соком внутри. Эти грезы отражали картины художников. Грезы могли быть наполнены светом и теплом, оставленным в сердце художника родными местами и любимыми людьми. Тогда каждая картина проникалась особым светом.

Но не всем же художникам рисовать теплые летние сады и прудики. Были картины, изображавшие свирепые битвы, голод, морскую бурю. Грезы были соответствующие. Их источниками являлись удары судьбы, нанесенные подло, в самые неожиданные моменты.

Арк ожидал своего удара. Но тот все равно больно уколол его в самое сердце. Жаннэ всадила клинок своего равнодушия глубоко в его тело, а затем ушла, не повернувшись. Она обронила в нем грезы одиночества, холодного и туманного, а еще следы печали. Теперь он собирался выплеснуть их в едином, последнем акте творения, которое могло бросить вызов божественному.

Арк откинул голову на подушечку установки и вдохнул газ. Его тело накачивали наркотиком, ускоряющим выработ-

ку «гормонов творчества» всеми способами. В легкие поступал газ; по трубочкам, оканчивающимися иглами, в его вены текла жидкость; таблетки он уже успел принять, как только зашел в эту комнату. Установка пикнула, и сотрудник центра «Вознесение» помог ему встать.

– Все прошло, как должно. До начала действия активных веществ без четверти час.

Его провели в белую комнату, небольшую и совершенно лишенную обстановки. Из мебели не было вообще ничего. Негде было даже присесть. В центре комнаты на деревянной подставке стоял холст. Размерами он был, как Арк и просил – 100x120.

Он посмотрел на уголок, в котором были сложены краски, кисти. Усмехнулся. Чтобы художник не «распылялся», ему давался лишь один холст для рисования, однако разнообразие красок было внушительным.

Сотрудник за его спиной пикнул часами.

– Тридцать минут, – рукой он показал на красную кнопку у входа. – Когда начнется действие активного вещества, сработает блокиратор, и никто не сможет вам помешать. Если произойдет что-то... непредвиденное, вы можете нажать на эту красную кнопку. Но мы не гарантируем возврата потраченных лет. Как и вашего выживания. Исходя из результатов вашего тестирования и довольно молодого возраста, прогнозируется, что вы сможете работать в течение шести часов, прежде чем ваши жизненно важные системы окажутся пе-

ренапряжены и более не в состоянии функционировать. У вас остается чуть меньше получаса, чтобы собраться с мыслями. Если захотите кому-то позвонить, попрощаться, то я буду сразу за дверью. У вас есть какие-то вопросы?

Арк покачал головой.

Сотрудник склонил перед ним голову и вышел.

Те самые ценные полчаса, которые были последним «нормальным» отпущенным ему временем Арк провел, нетерпеливо поглядывая на холст. Чесались кончики пальцев, где обычно была зажата кисть для рисования.

Вдруг сзади постучал в дверь сотрудник, показывая ему таймер. Десять секунд...

Арк кивнул, отвернулся, устремил взор на холст. Что ему привидится? Его разум обступила мягкая, плавная волна. Едва заметная, такая, которая не сбивает, а слегка подталкивает к берегу. Но стоило ей коснуться разума, дойти до конца, приблизиться...

Ясность. Четкость. Предельное значение стимула, после которого не свет, а боль. Но он не вышел за предел. Арка озарил свет, сразу со всех сторон.

Тело пронзили лучи осознанности. Он мог ощупать каждый свой уголок, нарисовать в реальном времени клетки крови, бегущие по венам. Он попробовал покрутить запястьем, и сухожилия почти слышимо растянулись. Он заполнил самого Себя. А потом, переполненный, выплеснулся за край.

Сознание Арка выпрыгнуло из тела, разлилось по всей комнате, ощупало ее и осталось неудовлетворено. Тогда оно зарылось в воспоминания Арка, во все, что он пережил за свои двадцать два года. Сознание, поведшее его, вырывало образы из его жизни один за другим: белоснежные и холодные, пахнувшие даже сквозь года кровати воспитательно-го учреждения; первые цветы, которые он помнил: желтые и фиолетовые; фиолетовый шарф его друга, с которым они сбежали и стояли на краю холма на рассвете; стояли и затем ушли, но ушли не обратно, а в новые края, и там чужие лица, но уже родные, ибо родных не было никогда, родными в тот момент стали все: и запах нового места, и затем уверенное желанное взросление, но с ноткой грусти уходили последние годы до восемнадцатилетия, и все же радость! Товарищеский кружок, которым выезжали на природу и рисовали, забывая про время, а когда вспоминали, то ломоть хлеба был нектаром; разговоры ночью втайне от других со смешком поцелуем ненароком, который обернулся разбитым сердцем уже тогда, но потом его разбила своим отказом Жаннэ.

Жаннэ! Первая встреча с ней, в которую она уже казалась знакомой. Невидимый след, который она оставляла в воздухе. Несомненно, для него... только он мог уловить этот уверенный сладковатый природный запах, которым она звала его и объявляла своим и просила уйти с ней, но не словами, а взглядом, жестом. И первые разговоры, когда он казался себе тупым от смущения и любви к ней, а она смеялась, но по-

доброму. Эта доброта – прекрасная черта – сразила его, привязала к ней навсегда, но к нему она перестала быть добра... Почему?

Он сам не заметил того, но уже стоял у холста с кистью в руке и рисовал. Он наносил на холст цвета, пока что изображая даже не предметы, но передавая свои чувства. Предметы появятся потом, они возникнут как продукт чувств – он в это верил, пусть и не был идеалистом.

Светлый-светлый первый слой, который он размазал по холсту. Ранняя юность, наполненная загадками, ароматом, надеждами, которые он, не зная, хранил в своем сердце и которыми томился. Первый слой утонул за юношеской зеленой настороженностью и напыщенностью, но, хорошо хоть, и этот слой уплыл в сторону, оставшись лишь на периферии.

К моменту, когда его мысли перетекли на Жаннэ, холст расцвел розово-голубым закатом, но и этот слой пришлось перечеркнуть, когда его мысли наконец пришли к действительности – к синей, угрюмой и тяжелой серой, серой, серой, серой – какой? – реальности, в которой его оставил отказ Жаннэ.

Грузные облака потекли по небу. Снизу холста выросло, как водоросли, темное море, и проглотило часть – пока что только часть – корабля. Экипажа нигде не было видно, быть может, их уже забрало неистовое чудовище, скрывающееся в глубинах, или же они прятались от него; а может быть, они просто опустили руки и проводили свои последние минуты

в отчаянии, слоняясь по трюму? В мазках, штрихах кисти, которые наносил Арк, открывалась правда об их плавании, недолгом, но неистовом и в какие-то моменты даже славном, но все равно оканчивающимся вот так – трагично. И это же было отражено в том, как светлое небо осталось позади, а ближе, дальше – только темнее и гуще...

Жизнь и умирание корабля растянулись на большом холсте во всей красе и совершенстве. Каждая волна, каждая деревяшка на корабле *жили*.

Арк отступил, оглядывая работу. Это был промежуточный этап, далеко не завершённый, но и им тоже можно было любоваться как одним из лучших творений живописи. Его слегка качало при ходьбе, но физическое тело так мало его сейчас волновало...

Хорошо. Очень хорошо. Но... Разве правильно было оканчивать все на *таких* грезах?

Теперь, когда он высвободил из себя всю «тьму», которую составляли печаль, тоска, обида отвергнутого и надежды, сломленные этим отказом, он был не в силах продолжать, но не мог и дотянуться до чего-то другого. Того, что составляло более счастливые часы его жизни.

Искусство вылилось из его души в один миг и застыло на холсте, а теперь смотрело на него выжидающе и будто с усмешкой.

На секунду Арку захотелось порвать свое же творение. Оно выглядело слишком личным, интимным, незащит-

ным... И оно было не завершено. Красиво, идеально, но не завершено. Чего же в нем не было? Быть может, времени, вкладываемого в картину день за день, с каждым мазком?

Арк мотнулся к двери и нажал на красную кнопку. Несколько раз, для уверенности. Потом прильнул к двери и забарабанил по ней руками.

– Выпустите меня!!!

Через какие-то десять секунд за ним пришли. Блокиратор двери щелкнул, открываясь, и сотрудники, не ожидавшие такого развития событий, посыпались в комнату.

– Остановите действие наркотика, – потребовал Арк. – Мне плевать, сколько времени у меня останется. Я заранее снимаю с вас ответственность за процедуру. Только давайте быстрее!

Его взяли под руки и помогли выйти из комнаты.

– Не смейте трогать картину! И не смотрите на нее!

Арка притащили в ту же комнату, в которой в него вкачали наркотик. Видимо, сейчас они собирались сделать противоположное. И правда. Его положили на кушетку. По трубочкам потекла из тела кровь, газ заполнил дыхательную трубку. Процесс гонки за оставшиеся годы начался.

– Мистер Арк, мое имя Зибер А. Слон, и я возьму вас под свою опеку. Можете быть спокойны, мы на время усыпим вас, – предупредил сотрудник

– Лишь надеюсь, что не навсегда, – ответил Арк.

Арк выходил из центра Вознесения, держа под мышкой большой прямоугольный предмет, накрытый непрозрачной тканью. Он подписал бумажки, в которых говорилось о полном его согласии с процедурами, произведенными с ним, об отсутствии у него претензий к оказанным услугам, а также, ввиду его чрезвычайного случая, бумажку с показаниями, советами и предсказаниями сотрудников центра, которые давали ему лет шесть—десять жизни.

Доктор З.А. Слон, видно, был хорошим специалистом, который мог определять состояние пациентов на глаз. Арк умер через семь.

Жаннэ ничего не смыслила в похоронных приготовлениях, и они ей не шибко нравились. Ей было бы легче пережить горе, уставившись в одну точку. Оставить в этой точке всю злость, все слезы, а потом стереть ее и попытаться жить дальше. Но ради мужа она должна была постараться.

Он умер, оставив после себя любовь. Ее она сжимала в кулачке, поднося к своей груди. Еще был дом, их сад, которым ни один из них толком не находил времени заниматься. Так всегда бывает с подобными вещами. Купи они собаку, и ей тоже уделялось бы мало времени. Они не были плохими или закрытыми людьми. Просто каждый имел свое пространство, в котором мог надолго пропасть, а такое для домашних животных немислимо. Для Жаннэ таким пространством стала музыка, ее флейта. Для Арка – живопись.

Помимо дома и сада, были их бесчисленные совместные поездки, которые они предпринимали в различные уголки Общества. Они хранились в сердце.

Странно, что они вообще находили время заботиться о своем жилище. Но и в нем царили чистота, простор, так необходимые для творчества, а главное – любовь. Жаннэ никогда не собиралась его оставлять. Она жалела лишь об одном – что потратила год на присматривание к будущему мужу. Год он ее добивался, а она сначала воротила нос и лишь потом рассмотрела в тихом сироте гения и любимого человека. Последующие шесть лет сделали их счастливыми, и Жаннэ мысленно благодарила Арка за его настойчивость.

Она в очередной раз утерла слезы краешком траурного платья. Разбирать, разбирать. Нужно было разбирать.

Сейчас она занималась, возможно, самым тяжелым – его студией. Ничью помощь здесь она не готова была принять. Это было как позволить чужому человеку проникнуть в душу ее мужа. Могли и натоптать, пусть хозяин уже и был не «здесь»...

Жаннэ протянула руки к очередному прямоугольнику холста, чтобы перенести его, но невидимое давление, возникшее из ниоткуда, заставило ее замереть, а затем осторожно приоткрыть белую завесу, скрывавшую рисунок. Ее рука дрогнула, обнажая всю картину разом, и Жаннэ воскликнула, прижимая руку ко рту.

Невольно она присела на колени, и слезы, слезы за мужа,

а теперь и за его творения заполнили ее глаза. Из-под холста упала и стукнула об пол записная книжка. Не в силах оторвать глаз от картины, которую она никогда раньше не видела, Жаннэ подползла и подняла книжку. Краем глаза она пробежалась по строчкам, датам, наброскам, которые были сделаны рукой ее мужа.

В этой книге сохранялась история картины, история жизни ее мужа, которая, как она теперь понимала, – нет, видела! – была неразрывно связана с картиной.

Жаннэ знала еще до того, как прочитала это в книжке мужа. Картина должна выставляться. Люди должны видеть ее. Они должны познать надежду и жизнь.

Она выбежала из комнаты, готовая давать распоряжения.

ИСТОРИЯ «ЭВРА» – из дневников Арка Дор (фамилия жены) [отрывки, выбранные для выставки «Шедевры выжженного года»]

44 г. о.т.п.

Я будто вновь обрел себя, едва не потеряв. В моих руках картина, мое, по идее, самое ценное владение – она стояла мне почти всей жизни. И что с ней делать? Я не думаю, что когда-либо смогу к ней притронуться. У меня не хватит смелости ее дорисовать. Брался за кисть бог, совершенное существо, а я всего лишь человек. Смогу ли я закончить?

...Опустим это. Главное, что моя жизнь и оставшиеся годы все еще у меня. С ними я хочу предстать перед Жаннэ,

перед ее судом – выслушать решение, а затем отвергнуть его! Я знаю, что поначалу оно будет не в мою пользу. Но я добьюсь ее снисхождения, ее любви. Она увидит все прожитые и сожженные годы и все чувства в моих глазах.

45 г. о.т.п.

Не притрагивался к *картине*. Как и думал, это слишком сложно. Пока что перешел на другие картины, пробуя себя в различных жанрах. Постепенно в руке появляется твердость, которой я не знал раньше.

.....

Жаннэ! Жаннэ! Жаннэ! Любовь всю отдаю тебе, до конца. Ты согласилась быть со мной, и в твоих глазах я уже начинаю видеть любовь! Стали ли они зеркалом для моих собственных глаз, моей любви? Думаю, да. Наши души переплетены. Я чувствую новые силы для художеств, но пока я отложу это дело. Буду просто наслаждаться жизнью с тобой!

47 г. о.т.п.

Сегодня я просидел перед картиной весь день. Моя студия полна изрисованных холстов, но ни перед одним из них я не чувствую себя так. В этой работе слишком много меня. Нужно собраться с силами и продолжить дело.

.....

Странное дело, но стоило мне прикоснуться к картине один раз, я знал, что делать. Теперь я просиживаю рядом с

картиной часами, но уже не без дела и не в страхе, как раньше. Разве что смотрю на нее с трепетом. Все гораздо проще, чем я думал, да и вопрос с тем, что я могу испортить ее, отпал. Я вкладываю в картину себя, свое время и усилия. «Собой» свою картину я точно не испорчу.

Очень долго думаю над красками, расположением. Заходит в студию моя жена. Моя милая, прекрасная, самая красивая молодая жена! Стараюсь не показывать ей картину, но не от вредности. Просто хочу, чтобы она увидела ее потом, когда... когда-нибудь, в общем.

Моя дорогая, если читаешь это, то знай: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

48 г. о.т.п.

Было очень много забот. Наверное, они отражаются в картине, но сколько я ни рисую, сколько ни дополняю и ни замешиваю цвета, в картине еще «есть место». Чего-то всегда не хватает, что-то можно поместить. И я помещаю. Но без фанатизма! Иначе картина бы забрала меня всего. А хотя бы кусочек-то должен остаться для моей ненаглядной Жаннэ!

50 г. о.т.п.

Теперь я возвращаюсь к картине реже, но всегда как к старому другу. Иногда мне хватает просто коснуться ее, чтобы почувствовать подъем сил. А иногда и сама картина, как живое существо, будто протягивается ко мне через всю студию

невидимыми нитями и наблюдает за тем, что я делаю.

Порой я оставляю на картине что-то новое – не всегда следы изменений в моей жизни. Порой это просто случайная мысль или результат настроения. Получается странное дело – вроде бы картина невероятна, но она повседневна. Надеюсь, я понятно выражаюсь. С одной стороны, что-то может быть исключительным, выходит из рамок, то, про что говорят один на миллион. С другой стороны, кое-что может быть и повседневным, знакомым, уютным, а порой даже приставучим. Но вот чтобы предмет вызывал и из ряда вон выходящие и знакомые, родные чувства...

Я пришел к очень простому выводу – в картину должен быть вложен ты сам, но не одномоментный, а растянувшийся на месяцы и года. Картина тоже, между прочим, должна настояться! Это во-первых. А во-вторых, красота не единственная вещь, которая заслуживает того, чтобы ее помещали в картину. Без обычных радостей и невзгод, встречающихся человеку день ото дня, не обойтись. И все тут!

51 г. о.т.п.

Картину отправил на покой, предварительно обняв. Ее время скоро придет вновь, а я проведу остатки своего с моей любовью. Никогда не мог подумать, сколько радости приносит обычное копанье в грядке, пусть оно и не несет особой цели.

Мы все больше времени проводим как старики – пораньше возвращаемся домой со званых ужинов, только чтобы по-

хохотать и потравить истории в компании друг друга. Я только за. Да и моя любимая жена, кажется, не против. Порой у меня это вызывает непонимание – такая молодая и красивая женщина, и предпочитает ночным танцам объятия со мной под теплым пледом. В такие моменты я острее всего чувствую, как люблю ее. Как однажды пронзил ее отказ, так теперь из самого центра груди по моему телу разливается, согревая, ее любовь. Жена художника, натура, порой чувствующая тоньше самого творца! Ай, да моя Жаннэ!

Я очень тебя люблю. И ни о чем не жалею. Мне не терпится провести следующий день.

[Конец отрывка]

Картина Арка Дора была включена в коллекцию «Шедевров Выжженного Года», но разительно отличалась от всех остальных экспонатов. Это было удивительно, учитывая, что каждая из картин, принесенных на выставку работниками центра Вознесения, могла по праву считаться «лучшей» за всю историю живописи.

История этой коллекции вообще была необычна. Что началось как смелый эксперимент и продолжилось масштабной выставкой, имевшей невероятный успех, окончилось разочарованием.

Люди, приходившие полюбоваться на картины, оказывались пленены их красотой. Тематика картин варьировалась,

и над каждой из них можно было простоять по дню, лишь бы хватило платочков для слез трепета. Универсальным правилом было лишь одно – картины были идеальны. Они были без малого совершенны. Так недостижимо красивы, что у художников тут же отпадало желание братья за кисть. За один лишь год на выставку переходило чуть ли не все Общество, и когда говорили о *картинах*, то все знали, о чем речь. Но на следующий год интерес стал падать. И на год после, даже несмотря на новые пополнения *картин*.

Все дело оказалось в том, что люди плохо переносили совершенство, оторванное от реальности. Они приходили, любовались, а затем шли домой жить свои жизни, которые шли вразрез с увиденным. Из-за того, что идеал и жизнь нельзя было совместить, первый отбрасывался (некоторые предпочитали расстаться со вторым, но об этих печальных случаях Общество предпочитало не говорить).

Так «Шедевры выжженного года» утратили свою популярность. Вплоть до пятидесят первого года о.т.п., когда в коллекцию поступила картина Арка Дора, пережившего «ускорение» в сорок четвертом году.

Это было не сравнить ни с чем. Даже с теми картинами, которые были совершенны.

Посредственность отражала людей. Совершенство – богов. Но Арк Дор создал что-то новое, третье, не свойственное ни богам, ни людям. Когда *svyatoi duch* оповестил работников выставки о своем присутствии (он снизошел до того,

чтобы прийти и отдельно посмотреть картину Арка), он находился в молчании больше десяти минут, прежде чем заключил: «Это творение навсегда останется в истории Общества».

На картине Дора изображено судно, которое, казалось бы, попало в передрагу. Светлые облака оставлены позади, а под судном собирается темная, недобрая вода. Ветер распространяется за пределы картины и заставляет смотрящего пожегиться. Казалось бы, даже экипаж корабля спрятался в глубине, и остается только отсчитывать мгновения до того, когда мифический монстр вынырнет из пучин и проглотит судно, но тут мы видим фигурку на носу корабля. Она совсем маленькая и, казалось бы, беззащитная, но твердо стоит на своих ногах, готовая ко всему.

Это фигурка женщины. Вокруг нее воздух сгущается, и ветер меняет свой характер, более не задувая холодными порывами. То, что казалось ненадежностью и туманностью, в левой части картины оборачивается путем, выходом.

В небе появляются птицы, которых почему-то не было видно моментом ранее. Картина оживает, и в ней разом проступают следы десятков, тысяч вложенных часов. Вот не так глубоко под водой проплыла рыбка. Там качнулась светло-зеленая водоросль. Вдалеке будто бы можно угадать берег, на который раньше не приходилось надеяться. Доски корабля заскрипят, но не от пробоины, а просто так, чтобы подбодрить. Качнется крюк под кораблем, задует парус. Сейчас

появится и экипаж, который подивится своей же боязливости, и капитан, который хлопнет себя по лысой голове, выдохнет, скажет: «Пронесло».

Он повернет штурвал корабля, но мягко, так, чтобы не побеспокоить фигуру на носу корабля, и направит корабль в другую сторону. Туда, куда смотрит фигура, будто бы выискивая свою потерянную любовь. Туда, где в небесах расцветает знакомая светлая синева и где нет места смерти и забвению.